

Буду ждать на болоте

Анастасия Воронова

Анастасия Воронова
Буду ждать на болоте

«Автор»

2026

Воронова А. Л.

Буду ждать на болоте / А. Л. Воронова — «Автор», 2026

Декабрь 1798 года. Эвелина Казакова — дочь кузнеца из села Вологодской губернии. У нее осталось несколько дней, чтобы спасти семью от голодного нового года. Отец серьезно болен, маленький брат ждет подарков. А деньги стремительно тают. Помощь предлагает местная ведунья. Только цена неизвестна. Рядом с Эвелиной оказываются двое: баронский сын, знакомый с детства, и капитан армии, преследующий ведьму. Но при чем здесь болото?

© Воронова А. Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Буду ждать на болоте	5
Пролог	6
1.	11
2.	14
3.	18
4.	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Анастасия Воронова

Буду ждать на болоте

Буду ждать на болоте

Ведь человек – это не свойство характера, а сделанный им выбор
Джоан Роулинг. Гарри Поттер и Тайная комната

Если приходится выбирать между одним злом и другим, я предпочитаю не выбирать вообще
Анджей Сапковский. Последнее желание

Пролог

В декабре 1798 года, когда в прочих местах торговля впадала в спячку, площадь в селе Черемовка продолжала жить. Люди здесь продавали и покупали круглый год. Кто-то по-тихому завышал цены – это были купцы. Кто-то, наоборот, рьяно торговался – это были люди по другую сторону прилавка.

— Касатка, уйди, не трави мне душу, — отмахнулся от настойчивой девицы уставший продавец.

— Дядя Терентий, но мне очень нужно, — девушка поправила выбившиеся из-под шерстяного платка русые пряди с золотым отливом. — Погодите, может, еще копейка заваялась.

Эвелина Казакова сняла варежки и полезла к своему кожаному кошельку, висящему на поясе. Терентий, успевший потерять интерес к покупательнице без денег, снова посмотрел на девушку.

Если бы кто спросил у торговца его мнение, он бы описал Эву красавицей. От матери ей достались благородные скулы, чуть заостренный подбородок, россыпь небольших аккуратных веснушек, разбежавшихся по носу и щекам. От отца девушка унаследовала большие миндалевидные глаза теплого медово-карего оттенка с длинными ресницами. У некоторых стрекоз крылья были короче, чем эти ресницы. Взгляд у Эвелины хоть и выдавал усталость, но не терял блеска. Она смотрела на мир живо, умно и чуть насмешливо, а когда улыбалась, у внешних уголков глаз прорезались морщинки. Нос был прямым, с дворянской горбинкой, а губы – хоть и потрескавшимися, но полными. Если бы не декабрьский морозец, они наверняка были бы прекрасного розового цвета. Но из-за погоды и порывов ветра вся краска с лица девушки ушла на кончик носа и румянец на щеках.

— Ага! — Девушка, довольная собой, выудила из кошелька спрятавшуюся на дне копейку. И с размаху припечатала ее к прилавку около двух других медяков. — Вот, дядя Терентий, последнее отдаю.

— Все равно не хватает, касатка, — тяжело вздохнул торговец.

Несколько слоев одежды скрывали фигуру девушки, но она наверняка была стройной и гибкой, с намеком на крепкие мышцы. Чего еще ждать от дочери кузнеца, часто помогающей отцу при выполнении заказов. Терентий посмотрел на руку, все еще прижимавшую копейку к его прилавку. Словно Эва припечатала надоедливого комара и теперь боялась отнять руку, чтобы пискун не улетел.

Рука у девушки была изящной, с длинными пальцами. Кисть словно оторвали у какой-нибудь статной барышни из Вологды и по ошибке пришили к крестьянке. Истинную породу выдавали только коротко остриженные ногти и следы от старых ожогов, полученных то ли от печи, то ли от работы в кузне.

— Я могу отдать свой оберег, — Ладонь Эвы все же оторвалась от прилавка и припала к ее ключице, где на шнурке болтался берестяной квадратик.

— Даром мне твой оберег не нужен, он же не работает, — снова махнул рукой торговец, после чего чертыхнулся. Понял, что сморозил лишнего.

Харитон Казаков, отец Эвы и лучший кузнец Грязовецкого уезда – чьими услугами нередко пользовались даже дворяне из Вологды – уже больше месяца тяжело болел. Зимний сезон и так замораживал поток заказов, а серьезный недуг приковал мужика к постели, лишив семью всякой возможности к заработку. Вот его старшая девка и изворачивается, чтобы хоть как-то прокормить домочадцев. От Мишки, ее младшего братца, толку пока что было мало. Ему всего шесть лет.

— Прости, Эвелина, не хотел обидеть. — Мужик собрал три копейки в стопку и протянул девушке. — Но продать не могу. Если так дальше дело пойдет, сам с голоду помру.

— Дядя Терентий, вы меня без ножа режете, — Эва приняла деньги обратно. В уголках ее глаз начали скапливаться слезы. — Как же я домой приду с пустыми руками?

— Касатка, не мучай меня! — Взревел мужчина за прилавком. — Я уже сам себе противен, а не уступлю. Иди, приставай к кому-нибудь другому.

— Но у вас самое лучшее...

— Уходи!

Девушка выпустила воздух из легких, не закончив мысль. Она силилась не заплакать прямо тут, чтобы не устроить еще большую сцену на глазах у прохожих. Шмыгнув носом от обуревающей обиды, Эва нашла в себе силы сунуть медяки обратно в кошель, развернуться и пойти в сторону дома.

Ее путь пролегал через центр площади, где свои могучие ветви раскинула гордость Черемовки – огромная древняя сосна. Дерево словно тянулось к солнцу или пыталось удержать на своей кроне весь необъятный небосвод. Дюжим оно было не только внешне: сосна пережила несколько пожаров и строительство тракта.

В день зимнего солнцестояния жители села украшали ее кто во что горазд. Мужики притаскивали приставную лестницу, помогали детям и девушкам развешивать на ней разные ленточки, разноцветные ткани и даже деревянные фигурки птиц и зверей.

Поколение постарше приносили орехи, сушеные яблоки и пряники, благодаря чему прилетали птицы. Пернатые не только добровольно соглашались стать живым украшением дерева, но и непременно уносили на своих крыльях все беды и невзгоды уходящего года. Взамен они приносили надежду на теплую весну и щадящее лето.

Ребята придумали обмениваться своими сокровищами: принес зайчика – после праздника заберешь не его, а любую другую игрушку. Некоторые детишки поначалу ревновали своих зверьков, но через пару лет втянулись в общее волшебство праздника.

Очередная стайка мальчишек пыталась покорить сосну, карабкаясь по ее ветвям. Дети верили: чем выше будет висеть игрушка, тем больше силы она возьмет от перерождающегося солнца. Тем больше удачи она принесет своему новому владельцу в следующем году. Мужики внизу подбадривали своих сорванцов:

— Давай, Потап, ты можешь залезть еще выше!

— Вперед, сын, не бойся!

— Главное, звезду не троньте!

— До звезды им без нашей помощи не добраться.

Стоило Эве оказаться у самой сосны, сверху раздалось «ой», сменившееся детским криком «нет!». Девушка успела задрать голову, чтобы увидеть, как вниз несется деревянная фигурка то ли волка, то ли лисы, то ли собаки. Похоже, кто-то из мальчуганов зацепился рукавом за иголки дерева и, пока освобождался, выронил своего зверька. Все дети и взрослые сопровождали падение игрушки взглядом. Сейчас она стукнется о наледь и разобьется.

Эва инстинктивно протянула руки вперед и сжала их перед собой. Зверек неловко зажался между ее варежками, и девушка вместе с ним подалась вперед, чуть не падая в снег. Когда она поняла, что произошло, вокруг уже бесновались восторженные дети и удивленные родители.

— Эвелина спасла праздник! Эвелина спасла праздник! — Кричали мальчишки и девчонки. Каждый стремился прикоснуться к подолу полушубка Эвы, чтобы перехватить себе каплю удачи.

— Ну ты даешь, Казакова, — хлопнул ей по плечу один из подошедших крестьян. — Спасибо, что поймала, это моего спиногрыза. Эй, оболтус! — крикнул мужик, задрав голову вверх, — Спускайся, спасена твоя вещица!

— Эвелина, ты ловкая как кошка!

— Казаковой надобно в Вологду, на большой публике выступать!

— С такой реакцией не пропадешь!

— Да я случайно, — Эва смутилась внезапному вниманию, — Просто вовремя оказалась рядом.

— Э, нет, девица, — один из мужиков покачал указательным пальцем в ее сторону, — Оказаться в правильном месте в час нужды – особый талант! Ты – молодец!

— Казакова! — Вдруг окликнул девушку торговец ближайшего прилавка и – убедившись, что она обернулась – поманил к себе рукой.

— Да, дядя Терентий? — Заговорила Эва, еле вырвавшаяся из круга восторженных детей.

— Ну и представление ты нам подарила, касатка, — одобрительно кивнул купец.

— Да уж, — еще больше смутилась девушка. — Теперь разговоров будет на неделю.

— Пусть судачат, людей не изменить, — отмахнулся мужик и положил сверху на прилавок сверток. — Давай свои три копейки.

— Дядя Терентий, честно? — Эва не удержалась и подпрыгнула на месте.

— Честно, — кивнул торгаш. — Такую грацию без награды оставлять нельзя.

— Дядя Терентий, спасибо! — Девушка выгребла из кошелька деньги и положила на прилавок рядом со свертком. — Честно отдаете?

— Я передумаю на счет «три», — сощурил глаза продавец, — Один, два...

Но Эвелины и свертка уже не было.

***

В двух верстах от площади, за скованной льдом рекой, за полосой леса стояло остеклевенное от мороза болото. Тишину декабрьского вечера в этом месте нарушали звуки четок и утробные напевы. Солнце скрылось за спящими верхушками леса, окружавшего застывшее болото. Двое – мужчина и девушка – проводили обряд на небольшом пригорке около старых развалин постройки, назвать предназначение которой казалось уже невозможным. Их окружали кочки и выглядывающие из-под снега камыши. Пара провожала старое небесное светило, чтобы оно умерло в покое и родилось заново, молодым и сильным.

Мужчина подготавливал старое колесо от телеги, которое обменял на засушенные полезные травы в ближайшем селе Черемовка. Скоро он подожжет это колесо и гордо скатит его с пригорка. Огонь был разведен тут же. Тяжелый сухой чурбак, который волхв приволок сюда не без усилий и некоторой хитрости, уже начал чернеть и иногда потрескивать на углях от костра. Он должен гореть двенадцать дней и потухнуть только первого или даже второго января, переходя в наследие старого года. Чтобы передать жизнь новому.

Женщина, находившаяся рядом, тоже не стояла без дела. Она методично и скрупулезно обновляла свои обереги, заговаривала амулеты и обновляла природную защиту окрестностей. В занявшийся костер она бросила пару тряпок и износившиеся старые шнурки, символически убивая прошлое. Иногда косилась на клетку, где затих самец тетерева. Ведунья из года в год удивлялась ловкости старшего брата, его терпению и проворности.

В начале каждого декабря, когда сугробы снега уже не позволяли легко пересекать полосу леса между их домом и рекой, старший брат подвешивал через лямку на плечо ту самую клетку, вставал на широкие лыжи и уходил к березняку на границе болота. На самом раннем рассвете, когда солнце только начинало подсвечивать горизонт, мужчина искал в снегу бугорки со свинцовым оттенком – места, где тетерева зарывались на ночь. Обнаружив лунку, волхв бесшумно подъезжал к ней вплотную и присаживался на корточки. Положив руку на снег, нашептывая свой заговор, он чувствовал тепло тетерева и резко хлопал по снегу. Оглушенная птица в ужасе выныривала из лунки, крыльями поднимая фонтан снега, и попадала прямо в руки мужчины. Слепленный, перепуганный самец оказывался в клетке раньше, чем успевал окончательно проснуться.

Это была не охота и не забава, но часть ежегодного ритуала. После брат объяснял, что важен момент перехода из сна в явь, из-под снега в мир людей. Как тетерев совершает магию перехода, так и год сменится один другим.

Им обоим, хоть и в разной степени, было жаль птицу. Но забрать жизненную силу ритуальной жертвы было необходимо, чтобы Солнцу-младенцу было проще совершить свой собственный переход от старого к новому. Брат всегда извинялся перед птицей и старался совершить предначертанное, не причиняя лишних мук.

Когда колесо было готово и уже стояло на своем ободе – легонько толкни, и оно покатится вниз – сестра вытащила из клетки вновь встрепенувшуюся птицу. Тетерев чуть не вырвался из ее рук, тонкие пальцы которых были украшены серебряными кольцами. Но брат вовремя перехватил испуганного самца. В его могучих лапищах, под его тихий шепот заговора птица будто снова успокоилась и покорно сложила крылья.

— Старое солнце умерло, — шея тетерева хрустнула от резкого поворота головы сильной рукой, — Сопроводи его в последний путь. — Волхв провел своим охотничьим ножом по только что свернутой шее и начал окроплять обод стоящего колеса, — И укажи дорогу новому светилу.

Он отнес тушку птицы к костру и положил ее сверху большого чурбака. Перья немедленно начали плавиться от жара. Волхв взял толстую ветку. Дождался, пока ее конец начал полыхать, и поднес горящий край своеобразного факела к колесу, которое немедленно переманило огонь на себя.

— Колесо с горы катись, — волхв с силой пихнул символ солнца ногой, — Весной красной к нам явись.

Двое – брат и сестра – смотрели, как колесо убегает с пригорка, подскакивает на кочке и устремляется дальше, оставляя след на снегу. Оно прокатилось достаточно далеко, чтобы волхв с облегчением выдохнул. Младенец точно найдет дорогу, и Солнцеворот будет завершен.

Тем временем около догорающего колеса оказался высокий мужчина, одетый в темно-зеленый двубортный мундир с высоким стоячим воротником. Поверх на нем была тяжелая суконная шинель темно-серого цвета, а на голове красовалась треуголка из темного фетра.

— Смотри, сестра, сам Витязь решил присутствовать на первой ночи Йоля-Солнцеворота, — волхв с легким сердцем опустил на корточки. Он успел сделать все, что нужно было успеть. — Приветствую, капитан Гушин.

— Доброй ночи, Хадарай, — Родион Гушин слегка поморщился над произнесенным прозвищем, которым его наградили местные крестьяне, но ничего не сказал, — С наступающим, Кейлет.

— Что ты здесь делаешь? — Ведунья не располагала и половиной терпения своего старшего брата. — Как Игорь отпустил тебя в такую даль? Неужели не боится, что в твое отсутствие с ним что-то случится?

— Интересно, что ты о нем упомянула, — Родион снова чуть поморщился, ему не нравилась резкость ведуньи, — Я здесь как раз по приказу Игоря. Не как моего старшего брата, но как графа.

— Твой братец может быть графом хоть трижды, — Кейлет сложила руки замком под грудью, ее подбородок вздернулся кверху, — А реальной власти над этими краями не имеет. Он не губернатор! По какому такому приказу?

— Во время недавней вечерней молитвы Господь даровал моему брату видение будущего, — Родион переводил взгляд с нахохлившейся Кейлет на сидящего на корточках Хадарая и обратно, колесо у его ног догорало. — Будто действия местного волхва и, — офицер чуть не сказал слово «ведьма», но осек себя, — Ведуньи приведут к его свержению и нарушат гармонию наших земель.

— Что за ересь, зачем бы нам этим заниматься? — Кейлет поморщилась, казалось, всем телом. Если бы лисы, из шкур которых была сшита шуба ведуньи, вдруг ожили, они бы точно зарычали и оскалились от подобной чепухи.

— Ваши мотивы мне неизвестны, но Игорю виднее, — Родион слегка пожал плечами.

— Выбрав дорогу, чтобы уйти от судьбы, — наконец-то заговорил Хадарай, — Мы именно там ее и встречаем.

— В любом случае, — рука Гущина опустилась на эфес офицерского палаша, — Вам самим известно, бесовство и сношения с дьяволом запрещены. И светским законом, и церковным уставом.

— Мы не можем не выполнить наш долг, — ответил Хадарай. — Точно так же, как и вы, капитан Гущин, не можете проигнорировать свой.

— В нашей ситуации нет возможности договориться, — нахмурился офицер.

— В эти ночи грань между нашим и миром мертвых слишком тонкая, — продолжал Хадарай, словно не слыша замечания Родиона. — У отправленных на ту сторону есть шанс вернуться.

— Простите, но я не желаю слышать это богопротивное учение, — Родион оценивал расстояние между собой и ведающими, аккуратно изучал местность. — На вас и так слишком долго закрывали глаза. Отец Алексей, как меня встретил, предлагал подать донос на вас в светский суд. Но, из уважения к истории вашего рода, — Родион невольно чуть подался корпусом вперед в вежливом поклоне, — Предлагаю решить проблему здесь и сейчас.

— Ты окончательно сошел с ума! — Кейлет вздымала руки кверху, отчего цепочки на ее шее и косички волос пришли в движение, подскочив на груди. Глаза ведуньи устремились к волхву, когда Родион обнажил палаш. — Хадарай, милый мой, останови его!

— Прости меня, сестра, — мужчина встал и обнял испуганную, удивленную ведунью, — Чему быть, того не миновать. Не секрет, что мы умрем. Какая разница – как?

— Я не собираюсь смиренно склонить голову и ждать, пока отрубят, — Кейлет закипала, вокруг нее набирало силу свечение. Будто гнев, как жар после парилки, физически исходил от женщины. — Не собираюсь умирать по пустому обвинению на этом вонючем болоте.

— Прости меня, Кейлет, — Родион испытывал подспудное чувство презрения к самому себе за то, что собирается сделать.

— Ты же такой воспитанный и правильный, — ведунья не могла, не решалась спорить с братом, поэтому направила всю свою злость на капитана у подножия пригорка и зашипела, — Неужели у тебя поднимется рука?

Родион смотрел на нее остекленевшими глазами. Он молился об отпущении своих грехов. Сомневался, когда выслушивал брата, когда ехал сюда, когда советовался с отцом Алексеем. Но больше всего – сейчас, когда слов назад уже не вернуть, и жребий брошен.

— Неужели ты способен на такую подлость? — Она кипела. Свечение вокруг Кейлет становилось все плотнее, приобретало оттенок красного тумана. — Я не дамся, так не будет.

Родион сделал глубокий вдох и шумно выдохнул. Он взял палаш удобным хватом, понимая, что, если даст ведьме вступить в полную силу, живым отсюда не уйдет. Он вспомнил о кремниевом пистолете, но тот остался в седле, у границы болота. Гущин молчал мгновение, хотя ему самому казалось, что прошла целая вечность.

— Простите меня, — сказал Родион тихо. Решение было принято. — Но только так и будет. — И офицер шагнул вперед.

1.

— Папа, можно упрямитесь и продолжать болеть, а можно выпить настой и поправиться. Харитон Казаков посмотрел на свою дочь с плохо скрываемым неодобрением. Эвелина нависла над его кроватью с ложкой чего-то мерзко пахнущего в одной руке и целой тарелкой травяного месива – в другой.

— Папа, давай! Если настой остынет, он потеряет свои свойства. Открывай рот и скажи: «Ам!».

Харитон не мог поверить своим ушам. Пусть его и слегка потряхивает, и кашель не дает поспать всю ночь, а поход по нужде может закончиться обмороком от усталости, разве это дает Эве право разговаривать с ним как с маленьким? Он же, в конце концов, ее отец! Мужчина! Кузнец и, по некоторым оценкам людей, лучший в уезде!

— Не буду, оно весьма дурно пахнет.

— Папа, полезно – не всегда вкусно.

— Я сказал...

Ложка очутилась в раскрывшемся рту. Харитон закашлялся, капля настоя покатилась по нижней губе и пропала где-то в зарослях его отросшей за время болезни бороды.

— Дочь!

— Что, папа? — Эвелина опустила голову и, глядя исподлобья, часто хлопала глазами. Она прибегала к этому трюку с самого детства, когда хотела избежать справедливого наказания за проступок. В такие моменты главное не поймать взгляд дочери. Тогда сердце Харитона всегда смягчалось под напором двух больших капель янтаря. Сработало и в этот раз.

— Папа, пожалуйста, прими лекарство, — около белой печи, которая монументально стояла по центру избы, и вокруг которой были сооружены все комнаты и помещения, показался маленький Михаил, — Эва... И я... Мы уверены, что оно тебе поможет.

Девушка посмотрела на маленького братика с практически материнской улыбкой и одними губами прошептала ему: «Спасибо». Глава семейства, осознав, что с двумя отпрысками ему сейчас не справиться, сдался и принялся глотать предлагаемый дочерью настой.

— Так бы сразу! — Победоносно заявила Эвелина, когда тарелка практически опустела. — Сейчас закончим, сбрею твою бороду. Смотреть страшно, ты как чертик.

— Я сейчас принесу ведро воды, чтобы споласкивать бритву! — Сообразил Михаил и исчез в коридоре хоть и крошечного, но весьма уютного дома.

— Спасибо, Миш! — Крикнула ему вслед старшая сестра. — А я пока подготовлю инструмент.

— Не надо меня брить, я пока еще владею своими руками.

— Папа, не дай Бог, порежешься!

— Дочь!

— Папа, прости, но сейчас иначе никак.

Харитон закатил глаза и показывал обиду, пока Эвелина подготавливалась к унижительной для него процедуре. Она достала из сундука бритву-скребку, смягчила бороду отца маслом и сделала легкое первое движение.

— Теперь дороги назад точно нет, — мягко улыбнулась Эвелина. В уголках ее глаз появились милые морщинки.

В комнате снова появился Михаил. Он пыхтел и тужился, но не отпускал ведро, доверху наполненное теплой водой. Со стороны размер ведра мог показаться настолько большим, что в нем с легкостью поместился бы сам Мишка.

— Да куда же ты полное тащишь, зачем мне столько? Осторожней!

Вскрик Эвы не защитил Мишу от выпирающей половицы. Ребенок запнулся и полетел вперед. Вода оказалась на полу, под сундуком и под кроватью отца.

— Простите! Эва, прости меня! — Плакал сырой Мишка, готовый перейти в истерику.

— Милый мой, ты что? — Эва подскочила к брату и обняла его, не побоявшись намочить одежду.

— Я хотел помочь...

— Знаю, Миша, знаю. Ты большой молодец! Не переживай, — Эва обнимала брата и тихо покачивалась из стороны в сторону. — Сейчас иди в нашу комнату, переоденься. Сырую одежду повесь около очага, он пока теплый. Хорошо?

— Да, хорошо, — брат продолжал хныкать, но уже успокаивался, — Ты точно не сердишься?

— Нет, конечно. Это просто вода. Давно нужно было помыть пол у папы. Сейчас схожу за тряпкой. Папа, лежи на месте и не вздумай убежать!

Харитон недовольно сощурил глаза, но ничего не сказал. Ему было стыдно перед детьми за свою болезнь. Внезапная хворь свалила его, отняв возможность работать и зарабатывать. Деньги таяли от необходимости покупать лекарства, целебные травы и пропитание для трех ртов. Все-таки зимой заказов было мало, а теперь их положение становилось еще хуже.

Оба ребенка старались, это было видно. От Мишки, конечно, пока что было мало толку в силу его юного возраста. Но Эвелина взвалила весь быт на свои плечи и держала удар крепко. Она не позволяла себе унывать и всегда находила что-то светлое даже в самой скверной ситуации. Кузнец смотрел на своих детей и понимал: без них бы пропал. Но сказать вслух не решался.

До нового года, хоть Харитону и сложно было следить за временем, оставалось еще несколько дней.

— Милая, — Харитон попытался приподняться на локтях, чтобы увидеть дочь, убирающую воду с пола. — Что бы ты ни задумала на праздник, не делай этого. Нам вполне хватит хлеба и кваса.

— Да, папа, конечно, я понимаю, — легко согласилась Эвелина.

Слишком легко, чтобы он ей поверил.

***

После рубки бороды и внеплановой влажной уборки комнаты Эва покормила домочадцев, тепло оделась и собралась на улицу.

Уже попрощавшись с родными, девушка увидела, что Миша залез на скамью около стола и, прижавшись к деревянной раме, смотрел в окно из слюды. Эва почувствовала неладное и, не снимая валенок, доставшихся от матери, и суконных онучей под ними, подошла к нему.

— Милый мой, что случилось? — Девушка прислонилась к окну рядом с братом. На дороге, ведущей к мосту через реку, ближе к следующему дому, соседские ребята строили снежную горку. Рядом с ними под руками маленьких девчонок появлялся первый комок снежной бабы, — Почему ты не идешь к друзьям?

— Как я могу, — еле слышно ответил Михаил, — Когда папа болеет? Ты работаешь, папа лечится, а мне идти развлекаться? Это не по совести.

— Сидеть здесь и наказывать себя ради нас с папой тоже «не по совести», — серьезно сказала Эвелина, — Так, молодой человек, вы желаете быть полезным?

— Да! — Миша легко заражался от сестры и с радостью ей подыгрывал, — Чем могу помочь, моя госпожа?

— Властью, дарованной мне этим домом, я приказываю вам немедленно одеться и отправляться строить горку! Возьмите лопату в пристройке, если потребуется! — Эвелина улыбнулась, а потом наклонилась к Мише и добавила прямо в глаза, — Только потом обязательно положи инструмент на место.

— Вынужден подчиниться вашему приказу!

— Бегом одеваться!

— Ура! — Миша спрыгнул со скамьи и побежал в угол дома, где стояли его с Эвой кровати и их общий сундук с вещами. — В этом году нацеплю на сосну одноухого мишку, он мне уже надоел.

Девушка с любовью и легкой горечью смотрела, как спина брата пропала за углом белой печи. Эвелина, уже начавшая чуть плыть из-за полного набора зимней одежды в помещении около очага, снова посмотрела в окно. Соседские дети завершали второй ком для снежной бабы. По дороге прошли две девушки с корзинами, явно в сторону площади. И, хотя разум кричал о необходимости экономить, сердце подсказывало: ее семья тоже заслуживала чуда.

Эва прекрасно понимала: если стол в новый год не будет ломиться от угощений, а подарки отцу и брату так и не будут вручены, весь следующий год они втроем будут голодать. Хотя в Черемовке и стояла каменная церковь, деньги на постройку которой всем миром собирали сами крестьяне, а традиции и поверья из головы человека так просто не вытравить.

Дочь и сестра решила.

Праздник должен состояться, чего бы ей это ни стоило.

2.

До праздника оставались считанные дни. Каждый уголок Черемовки кричал о надвигающемся торжестве. Соседи приводили дома и участки в порядок. Выравнивали поленницы, чистили дорожки, мыли полы, сбивали паутины из углов, меняли полотенца на новые. Из сундуков доставали нарядные скатерти. Кто мог, менял лучины в светцах на сальные свечи и зажигал лампадки перед углом с образами.

Но главным украшением любого дома становился праздничный стол. Филиппов пост, конечно, еще продолжался – он закончится только шестого января. Но крестьяне Черемовки не забывали про старые традиции. Перед новогодней ночью пеклись пироги с самой разной начинкой, варились мясные похлебки. Кое-где жарили поросенка. Даже кашу в эти дни не варили, но запекали. Людям было важно не просто поесть, а красиво поесть. Народ продолжал верить, что весь следующий год будет таким же сытым, как его первый день. Из одежды на праздник тоже выбирали все самое лучшее.

Дети тут и там лепили снежных баб. Не боящиеся испачкаться ребята таскали из очагов угольки, делая с их помощью глазки, рот и пуговики. Мальчишкам и девчонкам казалось, что каждый снеговик вот-вот оживет, и все они стройным рядом пойдут на площадь.

На площади всех грело внутренне тепло, исходящее и от самого человека, и от окружающих. Носы и щеки девушек покрывались румянцем, а бороды и брови мужчин – инеем. Но люди продолжали улыбаться и радоваться приближающемуся празднику.

В этой суете Эвелина пробралась к сосне. Задрала голову наверх, чтобы увидеть звезду о восьми концах, и – как нередко случалось в последние недели – простояла так несколько минут.

— Пожалуйста, пусть папа поправится, и у моих родных все будет хорошо, — далеко не в первый раз прошептала она.

За приемом пищи Мишка тоскливо вспоминал, как они собирались купить ему двух деревянных солдатиков, сделанных мастером из соседней волости. Они были настолько великолепные, что у игрушек двигались руки и даже вращалась голова. Потом младший переживал, что они хотели купить отцу пару новых инструментов в кузницу, потому что срок службы старых приближался к концу. Не забыл парнишка погоревать и о новых лаптях для Эвы, которые весной сестре нужно будет купить от безысходности.

— Я понимаю, что у нас нет денег, — говорил Миша между ложками похлебки, — И что важнее сейчас вылечить папу и покушать. Но все равно... Грустно.

— Миша, грустить – нормально, — с сочувствием говорила старшая сестра. — Мы имеем право на свои чувства. Прости, что не получается с солдатиками. Я знаю, как сильно ты их хотел.

— Ничего страшного, — весьма уверенно отвечал Миша, отправляя в рот очередную ложку. — У меня есть ты и папа. В ночь на первое января буду молиться, чтобы он поскорее поправился. А солдатиков купим мне в следующем году. Я стану большим, сильным и ловким, и буду помогать тебе.

Эва стояла под сосной. Вспоминала, как тогда решила, что этот праздник с пустым столом и без подарков, спрятанных под кроватями, ее семья встречать точно не будет. Когда ее взгляд оторвался от могучего дерева, девушка увидела волостного старшину Панкрата, который проходил площадь.

— Дядя Панкрат, добрый день! — Подбежала к нему девушка и, поравнявшись, зашагала около мужчины.

— А, Эвелина, добрый день! — Глаза Панкрата скользнули по румянному лицу девушки, — Как брат, как отец?

— Мишка в порядке, спасибо, что спросили. — Старшина не сбавил темпа, и Эвелине пришлось постараться, чтобы идти с ним наравне. — Папе не легче, но, слава Богу, и не хуже. Поправится!

— Поправится, — легко согласился Панкрат. — Харитон – сильный мужик, никто в нем не сомневается.

— Ваши слова – да Богу в уши, дядя Панкрат, спасибо за доброту.

— Ты чего хотела-то, Эвелина? Прости, много работы.

— Да, конечно, понимаю, — девушка чуть смутилась, но быстро собралась с мыслями. — У нас дела сейчас совсем туго, все деньги уходят на лекарства. Может быть, у вас найдется для меня работа до праздника? Вы меня знаете, я отлынивать не привыкла!

— О-ох, — Панкрат резко остановился и почесал бороду.

— Любая работа, я на все готова.

— Девочка, мне совсем не жаль, — старшина виновато улыбнулся, — Но сейчас ничем не могу помочь. Сама знаешь, детишки помладше, чтоб заработать на сласти и пряники, в праздники забирают все мелкие поручения. А для серьезной работы нужно образование, да и время. Тебе с больным отцом и маленьким братом такое не подойдет.

— Неужели совсем нет вариантов?

— Ну не расстраивайся, — Панкрат заговорщически огляделся по сторонам, затем взял Эву под локоток и отвел поближе к сосне, подальше от прилавков. — Знаешь, о чем некоторые толкуют? — Спросил старшина, переходя на шепот.

— О чем? — Переспросила Эвелина, тоже сделав свой голос тише.

— Слышала, что творится в усадьбе Калининых? — Панкрат и Эва даже сгорбились, словно это придавало им маскировки. — Крепостные оттуда судачат, барон всех слуг по домам распустил в честь праздника, а сам в столицу укатил! И теперь сынок его, молодой сударь Ярослав, один в пустом доме мается. Говорят, — у Панкрата аж глаза заблестели от сплетни, — По ночам у него в покоях свет горит! Долго за полночь, а не спит! Или с нечистым балуется, или с девками. Ты только, Эва, никому не говори, — и мужчина поднес указательный палец ко рту.

— Все это очень интересно, дядя Панкрат, — Эвелина пропустила удар сердца на словах о «девках», но взяла себя в руки после секундной паузы. — Но что делать мне?

— Ну и непутевая ты же, Казакова! — Панкрат даже руками всплеснул, — Раз дом без слуг стоит, значит, и работа в нем есть! Всего-то нужно поговорить с молодым сударем. Вы давно якшаетесь, не откажет.

— Устроиться на работу к Ярославу Калинину? — У Эвы даже уши покраснели от такой нелепицы. — Дядя Панкрат, но наверняка есть и другие варианты?

— Тю, а что не так с молодым барином? — Панкрат приготовился слушать новую сплетню, став одними ушами.

— С ним все в порядке, с Божьей милостью, — девушка понимала, что теперь любое неосторожное слово будет использовано против нее. И слух про девок по ночам быстро сосредоточится на одной конкретной девице. — Уверена, если барону будет нужна помощь, он попросит кого-то из своих крепостных, а не станет нанимать государственных.

— И-эх, твоя правда, — Панкрат выдохнул и перестал говорить шепотом, — Тогда сходи к бабке Фекле.

— К бабке Фекле? — Эвелина, казалось, вмиг постарела от безысходности.

— Ну да. Она, конечно, с характером, но что-то ей было нужно, только забыл. Сходи-сходи, помоги старости. Глядишь, и подкинет деньгу какую. Ей-то куда девать?

— Может, все-таки...

— Что же тебе, к барону не хочешь, к старушке не хочешь, — Панкрат как будто издевался над молодой девицей. — Больно требовательна ты к работодателям, юная Казакова!

— Дело не в этом, просто...

— К бабке Фекле, Эвелина. Иди-иди! Копейка не пахнет.

Копейка, может, и не пахнет, но на кухне старухи Феклы откровенно воняло. Когда Эва постучала в дверь бабкиного домика, сердцем надеялась, что никто не откроет. Но на пороге появилась сморщенная физиономия и уставилась на молодую девушку своими колючими глазами.

— Чего приперлась, кузнецова дочь?

— Здравствуйте, бабушка Фекла, — Эва хотела развернуться и уйти, но сдерживала себя всеми силами, — Пришла предложить вам свою помощь. Могу полы помыть или шерсть перебрать, что угодно, только скажите.

— Я милостыню не подаю.

— И не прошу о милостыне! Я отработаю каждую копейку, только скажите, как?

Старуха оценила Эвелину цепким взглядом.

— У меня травы высохли, надо перебрать. Хорошие сложить в короб, а те, что сгнили — выкинуть. Но смотри, не перепутай, девка! Иначе гроша не получишь.

Так Эвелина и очутилась на благоухающей кухне. В свете, проникающем из окна, сидя на скамье около стола, она перебирала ворох сырых стеблей. Смерд от них шел горьковатый, душливый. В избе было пыльно. Вещи валялись, где придется.

— Не так! — Иногда кричала Фекла, подходя к Эве и заглядывая на стол через спину девушки, — Ты сейчас все выбросишь, ничего не оставишь! Экономней! Что не совсем испорчено, значит, хорошо! Ишь, какая! Барские замашки, лишь бы поскорее!

Эва сжала зубы, но лишь улыбнулась и продолжила. К концу работы глаза слезились, пальцы были липкими из-за сока стеблей, больше похожего на смолу. Эвелина показала Фекле короб, полный отборных трав, но старуха сунула девушке в руки лишь копейку и скромную нить сушеных грибов.

— Держи, заслужила. Но больше не приходи, раз тят-ляп все делаешь, и приходится следить!

Эва взяла плату. Поблагодарила, поклонилась и вышла. На пути к выходу, в сенях, девушка заметила новый овчинный полушубок. Были деньги у этой старухи, только она их пожалела.

На улице, в паре домов, девушка подошла к большому сугробу и долго, с отвращением вытирала руки. Ладони чесались, а волосы, казалось, навсегда провоняли запахом кухни старой Феклы. Девушка чистила ладони, пока руки не покраснелись от холода.

Поднявшись на ноги, Эвелина еще раз глянула в сторону избы старухи и чуть не закричала. Одолеваемая то ли гневом, то ли отчаянием, она со всей силы пнула сугроб, об который только что вытирала руки. Потом еще раз, затем третий. Каждый удар подкидывал небольшое покрывало снега, припорошивая валенки и передний край поневы Эвелины. Только после того, как на месте сугроба осталась неровная площадка, девушка сделала глубокий вдох и резко выдохнула.

Участок, у которого остановилась Эва, был ближе всех к тракту. Он принадлежал местному ямщику, зажиточному мужику Савелию. Двор был большим, со своей конюшней для трех лошадей. Девушка уже не надеялась на особую удачу, но за спрос ведь никто не побьет. Она зашла за невысокую калитку и направилась к постройке около избы.

Савелий возился у саней, явно собираясь куда-то ехать. Увидев девушку, решительно шагающую к нему, мужчина выпрямился и вытер мокрый лоб большой рукавицей.

— Здравствуй, Казакова! — Ямщик чуть кивнул головой, — С чем пожаловала? Надеюсь, с отцом все хорошо? Не нужно вести в город?

— Добрый день, дядя Савелий! — Эвелина подошла совсем близко и чуть поклонилась, — С отцом все будет хорошо, лечится. Спасибо, что спросили.

— Ну это слава Богу, — улыбнулся мужик. — Не переживай сильно, девочка, Харитон выкарабкается.

— Спасибо, дядя Савелий, — Эве казалось, что она покраснела. Хорошо, что румянец можно было объяснить морозом. — Я пришла просить вас о работе. Могу дров наколоть или снег с крыльца скинуть. Или по дому что... Нам очень нужны деньги.

— Ну дрова, допустим, — Савелий усмехнулся, — не бабская работа. Дай-ка подумать.

Савелий оглядел участок. На самом деле, ему вовсе не нужна была помощь. Но разве можно отказать в просьбе Эвелине, такой молодой и трудолюбивой девушке? Тем более, если вспомнить, сколько раз Харитон спасал его с подковами для лошадей, за короткий срок и совершенный бесценно. Промелькнула мысль сунуть деньгу просто так, но девка явно оскорбится, сочтет подачкой и — глупая — из гордости откажется.

— Слушай, таскать мешки, конечно, тоже не бабская работа, но у меня спину прихватило, одному тяжело. Поможешь? Нужно загрузить вот эти в сани.

— Конечно, помогу! — Обрадовалась Эвелина.

— Да погоди ты, куда одна пытаешься тащить? Сейчас тоже без спины останешься!

Мешки оказались увесистыми. Примерно, как сама Эва. Одна она точно бы не справилась, а в попытках поднять тяжесть легко могла сорвать и спину, и плечи. Но вдвоем работа шла быстро. Девушка скорее помогала своим присутствием морально. Савелию хотелось показаться сильным перед молодой красавицей.

Когда работа была закончена, мужчина довольно посмотрел на запыхавшуюся Эвелину.

— Хватит. Молодец, Казакова! — Савелий похлопал по туше последнего загруженного мешка, — Работящая девка! Погоди немного, сейчас схожу в избу за наградой.

Пока мужчины не было, Эвелина успела немного перевести дух и перестала видеть красные пятна перед глазами. Дыхание потихоньку восстанавливалось.

— Держи, Казакова, — Савелий протянул три копейки и кусок пирога. — Уже, конечно, не теплый, но с рыбкой. Только отцу Алексею не говори, что пост нарушаем.

— Дядя Савелий, — Эва хотела было сказать, что не заслужила пирога, но язык не повернулся, — Спасибо!

— Всегда пожалуйста. Передавай отцу мой поклон и желание здоровья. Берегите себя.

— Ой, да, и вам легкой поездки! Пусть спина скорее проходит.

Савелий наблюдал, как девичий стан покидает его двор. Ему казалось, у нее даже плечи выпрямились, если вспомнить, какая она к нему заходила. Мужчина был горд собой, что так искусно помог семье старого друга. Никакую спину у него не прихватывало.

Эвелина присела около каменного моста. Высыпала на ладонь добытую мелочь. Четыре копейки, связка грибов и целый кусок рыбного пирога. Эва смотрела на него как на чудо, мысленно еще раз благодаря Савелия за доброту. Мишка точно придет в восторг.

Девушка прикрыла глаза. В голове засел скрипучий голос Феклы: «Больше не приходи, раз тят-ляп все делаешь» и теплое: «Молодец, Казакова!» от дяди Савелия. Пальцы замерзли, но еще холоднее было на сердце. Деньги помогут, еда скушается, но к своей цели Эва не приблизилась.

— Ну ничего, — сказала девушка сама себе вслух, поднимаясь на ноги и оттряхивая красный узор серой поневы от снега — Я что-нибудь придумаю.

Прозвучало увереннее, чем девушка чувствовала на самом деле.

3.

С подработкой в селе всегда было туго. Отнеся домой связку грибов и кусок пирога, Эва продолжила носиться от одного двора к другому с предложением помочь по дому или с подготовкой к празднику. Но селяне сами не особо шикавали, каждая копейка у соседей и знакомых была на счету.

Конечно, в Черемовке не было людей, не знающих о положении четы Казаковых. Они помогали, кто яйцами, кто молоком, кто во что горазд. Но нанять Эву в качестве разнорабочей за такую сумму, чтобы хватило на подарки, никто не мог. Девушка помогала старушкам принести ведра воды, у одной даже попыталась справиться с покосившейся калиткой. Все было тщетно. Такими темпами нужную сумму получится заработать только к следующему новому году.

— Потому что мужика у тебя нет, Эвка, — покровительственно говорила Анфиса Савина.

— Мужчина бы разобрался, — мечтательно вторила ей Валерия Тарасова.

Эвелина встретила подруг, бредущих с корзинками от площади, на очередном круге по дворам села. Они попались навстречу друг другу аккуратно посередине единственного моста, соединяющего две неравные половинки поселения между рекой Обнорой, забегающей в Черемовку с востока, мимо болота, и исчезающей на западе, между широкой поляной и лесной опушкой. Этот мост да церковь на холме за площадью были единственными каменными строениями. Мост считался частью важной артерии между Вологдой и Ярославлем — через него проходил Ярославский тракт. К нему же вели все остальные тропинки. А посему он тоже удостоился чести быть украшенным к праздникам.

Мост был не просто каменным. Его построили еще при Екатерине II, и он стал произведением архитектурного искусства. Арочный, однопролетный, с деревянным настилом. Жители Черемовки гордились мостом, потому что ближайший такой же был только в самой Вологде.

Под мостом то тут, то там сидели рыбаки, пристально наблюдавшие за лунками у своих ног. Чуть восточнее — на самом широком участке Обноры, где летом молодежь обустраивала пляж — лед был расчищен от снега, и там бесновались детишки. Кто на коньках, примотанных к валенкам, а кто просто в теплых онучах и лаптях.

— И как это наличие мужчины помогло бы мне с деньгами? — Эвелина пыталась скрыть усталость и раздражение. — У меня их в доме целых две штуки.

— О-ох, Казакова, — закатывала глаза Анфиса, не понимающая иронию подруги, — Дура ты. Причем тут болеющий отец и маленький брат? Тебе нужен такой, который обеспечил бы сытным ужином и кучей подарков.

— Анфи права, — Валерия всегда принимала сторону Савиной. По любым вопросам и мнениям. — Как ты сейчас одна со всем справишься? И за отцом надо ухаживать, и за братом, и за домом.

— А ты по бабкам бегаешь, даже к Фекле уже успела сходить, — продолжала Анфиса, перебросив косу на другое плечо и перехватив корзинку. — Ты как хоть у нее выжила?

— Все село уже в курсе? — Глаза Эвелины сделались круглыми как рубли.

— Дядя Панкрат рассказал моему отцу, — гордо подтвердила Валерия.

— Боже мой! Я умру со стыда! — Эвелина стала озираться, не подошел ли к ним кто-нибудь, но мост был пуст, — И что говорят?

— Что ты специально выкидывала хорошую траву, оставляя сгнившую, — легко ответила Лерка.

— Ага, точно-точно, — перебила Тарасову Анфиса, — А когда уходила, говорят, пыталась украсть полушубок из овцы. Новенький, кстати!

— Какой кошмар! — Эва побледнела, даже румянец от мороза сошел. — Это неправда.

— Да все в курсе, — прыснули подружки, поняв, что сейчас Казакова начнет оправдываться — Но ты сама дала Фекле повод языком чесать, а мы жуть как хотели посмотреть на твое лицо. Только не обижайся!

— Ах вы! Две лисы! — У Эвелины камень с сердца упал, что никто не поверил в эти рассказы.

— Еще отец говорит, — поделилась Лера, — Что в село приехал сам Витязь! Нас навещил, как сказал папа, благородный господин Родион Гушин.

— Ох, Витязь любую сведет с ума, — поднесла руку к груди Анфиса. — Жаль, на нас он даже не посмотрит.

— Но что он здесь забыл? — Спросила озадаченная Эвелина.

— Да мало ли что в головах у этих дворян, — отмахнулась Анфиса. — Ты нам зубы не заговаривай, Казакова! Мужик тебе нужен, — продолжала она и, увидев открывшийся рот Эвы, выставила вперед руку в варежке, явно ткнув в сторону подруги указательным пальцем. — Здоровый, работающий, богатый.

— Как Савелий, — посмотрела на небо Лерка, — Добрый, большой, как медведь. Три лошади! Постоянно катается и в Вологду, и в Ярославль. Со связями и деньгами.

— О Боже, снова эта песня! — Эва сделала вид, что уходит, но подружки мягко остановили ее, взяв под локотки.

— А нечего от нас убегать, — чуть обиделась Анфиса, — Мы дело говорим. Савелий не обидит, как этот твой наследничек!

— Ты про Ярослава? — Смутилась Эвелина.

— Про кого же еще? — Анфиса заметила реакцию подруги и попыталась сменить тему, — О, кстати! Может, он хотя бы с работой или деньгой поможет?

— Да-да, поможет! — Кивала Валерия, — Дядя Панкрат говорил отцу, сейчас у Калининых дома из слуг никого нет.

— Только смотри, — усмехнулась Анфиса, — Не засиживайся там допоздна! А то Ненила придумает, что ты у молодого барина не только пыль протираешь.

— Ох, Анфи! — Лера покраснела, — Ну ты и скажешь тоже!

Девочки посмеялись. Но, увидев задумавшуюся Эвелину, перестали давить. Они спросили, сколько за сегодня заработала Казакова, и та показала четыре монетки. Девушка все сильнее впадала в отчаяние и потихоньку готовилась принять решение. Других вариантов у нее как будто не оставалось.

— О, погляди-ка, легок на помине! — Фыркнула Анфиса, — Эва, с ума сошла? Не оглядывайся!

— Идет! Идет! — Запереживала Лера, — Эвка, дайка поправить тебе косу.

— Да что вы делаете?

— Тише! Времени мало! — Зашептали подружки.

Девочки как могли привели Казакову в порядок. Пригладили косу, оттряхнули снег с плеч. Спрятали за платок выбившиеся на лоб и виски золотые пряди, которые все равно выскочили обратно. Эвелина была красивой девушкой, и ее красоту невозможно было спрятать ни за какой одеждой. Спасибо дворянской крови ее мамы. Но Анфиса была уверена, что совершенству не могло быть предела.

— Доброго вечера, сударыни, — раздался мужской голос.

Подруги отошли, и Эвелина наконец-то обернулась. Перед ней стоял Ярослав Калинин, единственный сын барона и помещика двух соседних деревень. По возрасту он был на год-полтора старше Казаковой. В темно-синем кафтане до колен, на серебряных пуговицах, с высоким стоячим воротником. Поверх кафтана на плечи была наброшена не застегнутая теплая епанча из серого сукна, подбитая мехом соболя. На поясе под левой рукой болталась шпага с доро-

гой гардой, но в простых ножнах. В руках, облаченных в кожаные перчатки, дворянин держал меховую шапку-мурмолку.

— Ваше девичье собрание обязательно проводить посередине моста? Вы мешаете проезду. — Его взгляд был цепким, пронзительным, а глаза, как это часто бывало, чуть прищуренными.

Эвелина с девчонками переглянулись и посмотрели по сторонам. Хоть жизнь в селе кипела, в данный момент никого, кому можно было бы помешать, вокруг компании не было. Головы снова повернулись в сторону младшего Калинина.

— Прямо сейчас, может быть, и не мешаете, — слегка разозлившись сказал Ярослав, сравнившись с компанией, — Но вы точно станете для кого-нибудь помехой в любую минуту. Казакова, как твой отец?

— Его здоровье не ухудшается, и уже за это мы благодарны Богу, — чуть склонив голову в знак приветствия, ответила Эвелина.

— Но и не улучшается?

— Пока что нет, но мы верим, что старое солнце заберет недуг вместе с собой. Вашими молитвами, ваше благородие.

Ярослав сверкнул карими глазами, но быстро погасил эту вспышку. Эвелина и сама понимала, что ответы получались колючими, но иначе у нее с Ярославом никогда не получалось.

— Славно. Что же, Эвелина, девушки, — он кивнул головой, — С наступающим.

— Благодарим вас, — хором проворковали Анфи и Лера.

Они не сводили с Ярослава глаз. Его лицо было благородным, узким, с четкими скулами, сильной линией челюсти, тонкими губами, прямым носом и заметной вертикальной складкой от привычки хмуриться. Девочкам он казался высоким, стройным, а шириной плеч мог посоревноваться даже с Савелием. Его темно-русые густые волосы слегка влились, были длиной до плеч и собирались в низкий хвост на затылке.

— Спасибо, вас тоже с наступающим, — ответила Эва, когда фигура Калинина уже начала удаляться по направлению к площади.

— Ты точно дура, Казакова, — прошипела Савина.

— Да почему?

— Потому что! Знаешь кого-то богаче барона? Беги за Ярославом и просись на подработку! Точно не откажет.

— Может, вы мне одолжите? — С нотками мольбы в голосе заныла Эвелина, — Верну, вы же знаете.

— Казакова, мы бы с радостью, — ответила Анфиса сразу и за себя, и за Леру. — Но все деньги у отцов, ты сама в курсе. Нам дают только чтобы хватило на хлеб на базаре, и ни копейкой больше.

Эвелина и сама понимала, что девчонки откажут. Но просить у них было проще, чем у Ярослава. Однако, хоть и трудно было признавать, но Анфиса в кои-то веки могла оказаться права. Эва демонстративно опустила плечи, убрала улыбку с лица и тяжело вздохнула. Перекатилась с пятки на носок.

— Ну как на плаху собираешься, ей-богу! — Сверкнула глазами Анфиса.

— Перед смертью все равно не надышишься, — подбросила углей в огонь Лера.

Эва оказалась на распутье. Подруги сверлили глазами, ветер трепал выбившиеся из-под платка пряди. Кошель — с четырьмя монетками на дне — не оттягивал пояс так, как мог бы оттягивать. Больной отец. Мишка без своих солдатиков. Пустой стол из того, чем поделились соседи.

Эвелина обменялась с подружками поцелуями в щеки, и они разошлись. Савина и Тарасова пошли на их берег, отнести корзины по домам. Эва зашагала в сторону площади, в направ-

лении которой удалился младший Калинин. Она сделала шаг. Второй. Третий. Сердце колотилось где-то около горла.

— Будь что будет, — решилась девушка.

Мост остался позади.

4.

Чем меньше дней оставалось до праздника, тем многолюднее становилось на площади. Торговые ряды били жизнью как родник кристальной водой. Эвелина проходила прилавки, высматривая Калинина. Она не могла объяснить себе причин, но ноги мелко дрожали. Девушка нервничала гораздо сильнее, чем перед порогом Феклы. Но почему ей так страшно? Почему хочется развернуться и броситься домой, спрятавшись за печкой?

— Неужели я так боюсь, что он откажет? — Рассуждала Эва себе под нос, чтобы люди не услышали. — Или что он согласится?

Девушка оставалась наедине с подобными мыслями, пока — наконец — не нашла свою цель. Ярослав обсуждал что-то с одним из торговцев. Эвелина поборолa секундный ступор и, не оставляя себе шанса сбежать, двинулась прямо к молодому мужчине.

— Только отец просил, чтобы было готово завтра к полудню, — Ярослав делал вид, что разглядывает товары, выставленные на базарном прилавке. Чтобы избежать зрительного контакта, — Успеете доставить?

— Конечно, ваше благородие! Сделаем в лучшем виде.

— Славно, — ответил Ярослав, краем глаза заметив приближающуюся к нему проблему. — Я милостыню не раздаю.

— Ярослав, — Эва осеклась, когда до нее дошел смысл его слов.

— Так ты знаешь мое имя? Куда пропало «ваше благородие»?

— Ярослав, я не прошу милостыню.

— Но? — Мужчина продолжал рассматривать прилавок, но всей сутью чувствовал, какое усилие делает над собой Эвелина, чтобы сформулировать мысль. Учитывая, что обычно эта девушка за словом в карман не лезла, он напрягся от ее замешательства.

— Можно ли устроиться в ваш дом на подработку до нового года? — Выпалила Эвелина, чтобы не убежать, — Мне очень нужны деньги для праздника. Я могу отработать и в январе, если нужно будет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.